

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Т. А. Кожурина

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра общего и славянского языкознания)

Данная статья посвящена исследованию памятников деловой письменности эпохи Киевской Руси. Выявляются специфические особенности на различных языковых уровнях.

В истории русского языка особое место принадлежит деловой письменности как одному из важнейших составляющих языковой культуры.

«Деловые документы являются своеобразными, тематически ограниченными памятниками письменности, которые охватывали различные области экономической и социальной жизни различных слоев общества, включая его обыденную жизнь» [1, с. 108].

Письменные документы, которые зафиксированы в летописи, – договоры русских с греками 907, 911, 944 и 971 гг. Первый свод законов Киевской Руси «Русская правда» – оригинальный памятник письменности XI в., – позволяет судить о развитой системе юридической и общественно-политической лексики в данный период. Древнейшим документом является и «Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода 1130 года».

Деловой язык использовался при составлении документов канцелярского характера, актов землевладения и хозяйства, суда, законодательных кодексов, многочисленных вкладных, правовых, купчих, духовных, жалованных, данных, кабальных, договорных, межевых и др. грамот. Нормы письменной деловой речи в Киевской Руси складывались под влиянием традиций устного обмена социально-экономической, дипломатической и юридической информацией.

Деловой язык эпохи исследуемого периода представил те направления развития, которые стали ведущими в становлении русского литературного языка в дальнейшем: демократизацию письменной формы литературного языка, образование восточнославянской лексики, отход от церковнославянской языковой традиции.

Известно, что язык деловых документов существенно отличается от языка летописно-повествовательной литературы характером и составом употребления церковнославянских элементов, наличием специфических лексем, фразеологизмов и синтаксических конструкций, отсутствием «приемов литературной отделки» [2].

Деловые тексты, которые отражают живую разговорную речь исследуемой эпохи, дают широкие возможности для установления состава, функций и хронологии отдельных языковых единиц, категорий и форм. Так, довольно широко распространены слова с начальным гласным *o* (*оже*); лексем с полногласными сочетаниями (*Володимир, воротити, золото, горохъ, корова, дерево, голова* и т. д.); с начальными *po-*, *lo-* (*лодья, ростеряти, розграбежь, розвязати, розделити, локоть* и т. д.). Для исследуемых текстов характерно наличие звука [ж] в соответствии с **dj* (*ноужа, межа*); флексии *-i* или *-e* в соответствии со старославянской по происхождению флексией в памятниках неделовой письменности (*воле, робье, свое, чье, продаже, тяже* и т. д.); наличие звука [ч] в соответствии с **tj*, **gt*, **kt* (*хочеши, закладаюче, въобчи, дадуче* и др.); флексия *-ого* в полных формах прилагательных (*белогородьского, киевьского*).

В памятниках деловой письменности часто встречается восточнославянская по происхождению общественно-политическая лексика (*мужь* – ‘приближенный князя’, *огнищанинь* – ‘управитель вотчины’, *ябедникъ* – ‘судебное должностное лицо’, *холопъ* – ‘раб’, *смердь* – ‘крестьянин’, *челядинъ* – ‘слуга’ и т. д.); юридическая лексика (*головьникъ* – ‘убийца’, *потокъ* – ‘ссылка’, *зядьница* – ‘наследство’, *проторъ* – ‘судебные издержки’, *добытъкъ* – ‘имущество’, *вира* – ‘штраф за убийство свободного человека’ и т. д.); сельскохозяйственная лексика (*жито, возь, барань, кобыла, лоньщина* – ‘годовалое животное’, *третьяк* – ‘трехлетнее животное’, *копына, борона* и т. д.). Из синтаксических особенностей можно выделить повторение однотипных конструкций (... *аже кто кого ударитъ батогомь, любо рогомь, любо чашей, любо тылеснию, то 12 гривне. Не терпя ли противу тому ударитъ мечемь, то вины ему в том нетуть*), условные конструкции, оформленные либо без союзов (... *то мьстити брату брата; убьетъ моужь моужа*), либо посредством восточнославянских по происхождению союзов (сочинительных *а, а иже*, подчинительных *а же, а оже ли, оже, оже ли*), а также старославянского по происхождению союза *аще*.

В Киевской Руси собственно книжный и деловой языки слабо взаимодействовали между собой. Однако памятники деловой письменности все же испытали на себе воздействие книжного языка. Так, церковнославянизмы часто встречаются в общепринятых стандартных зачинах и концовках, которые по причине своей традиционности устойчиво сохраняли архаичные особенности языка. Например, Мстиславова грамота начинается стандартным выражением «Се азъ мьстиславъ...». Обычно в памятниках деловой пись-

менности личное местоимение имеет церковнославянскую форму *азь*, однако встречаются и его древнерусские варианты *язь* и *я*, а также слова с приставкой *раз-* (*разбойник*, *разбой*), с неполногласием (*чрево*, *среда*), с сочетанием «жд» (*вражда*), личное местоимение 1-ого л. ед. ч. *азь*, флексии *-аго* / *-яго* в род. п. ед. ч. прилагательных (*боярскаго*, *ветхаго*) и др.

В области морфологии необходимо отметить такие особенности, как распространенные формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на *-и* / *-ы* (*блины*, *диаволи*, *домы*, *орли*); древнерусские окончания полных прилагательных мужского рода единственного числа, существительных мужского рода единственного числа, местоимений (*Дмитреи*, *которои*, *русскои*); окончание *-у* в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода (*морозу*, *плоду*) и в предложном падеже единственного числа (*в тиру*, *на торгу*); окончание *-ю* в творительном падеже единственного числа (*гнилью*, *плетью*, *зерню*); получают широкое распространение формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с флексией *-а* (*леса*); формы родительного и винительного падежей единственного числа личных и возвратных местоимений *мене*, *тебе*, *себе* переходят в *меня*, *тебя*, *себя*; утрата звательного падежа; утрата свистящих в склонении существительных с основой на заднеязычный; объединение старых типов склонения существительных в систему склонения по родам; складываются грамматические категории глагола, категория вида; часто встречаются глаголы с суффиксами *-ыва-* / *-ива-*, особенно в форме прошедшего времени с отрицанием (...*я холоп твой ево андреева двора не зажигивал и зажечь никому не веливал*); единственной формой прошедшего времени глагола становится перфект.

Таким образом, точность, лаконичность делового слога, четкая система организации языковых элементов позволили деловому языку занять одно из ведущих мест в развитии общерусского литературного языка. Влияние церковнославянского на язык деловой письменности было в исследуемый период ограниченным. Древнерусская юридическая лексика, являющаяся русской по своему происхождению, почти не отражала книжного влияния.

Деловая письменность эпохи Киевской Руси оказала значительное воздействие на формирование жанровой основы русского литературного языка.

Литература

1. Котков, С. И. Деловая письменность и литературный язык / С. И. Котков // Русская речь, 1980. – № 5. – С. 105–113.
2. Унбеггаун, Б. Русский литературный язык : проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы. – [Электронный ресурс] / Б. Унбеггаун. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics2/unbegaun-71.htm>. – Дата доступа : 08.11.2019.